

Четкий замысел, яркое воплощение

БАЛЕТ «ЖИЗЕЛЬ» В ТЕАТРЕ «ЭСТОНИЯ»

На сцене Эстонского государственного театра оперы и балета «Эстония» спектакль «Жизель» идет с большим успехом. Зритель искренне волнуется и переживает драму Жизели, восхищается подлинной классической красотой танцев второго акта.

Балетмейстеру В. Пярди удалось постигнуть и тонкость хореографического стиля, и философскую глубину произведения. Вот почему жизненно правдивы, юношески светлы и трагически безысходны эпизоды первого акта, вот почему романтическая приподнятость сцен на кладбище не уведит от содержания, от столкновения характеров, от подлинно человеческого начала.

Не пустая и изощренная стилизация, не эстетское любование внешней прелестью романтического балета, а его философия, вера в возвышенную силу человеческой любви и преданности вдохновляют великую советскую балерину Уланову, создательницу непревзойденного образа Жизели. Критики Парижа и Лондона признали, что спектакль Большого театра раскрыл всю глубину старого балета, вдохнул в него новую жизнь. По пути Улановой следуют и другие советские исполнительницы партии Жизели. Они не подражают ей, но следуют ее традиции, то есть ищут правду и смысл, возвышенную красоту образа, отбрасывая все соблазны холодной стилизации.

Выступление известной эстонской балерины Хельми Пуур в роли Жизели вызвало большой интерес, потому что ее выступление в «Лебедином озере» доказало, что она способна по-своему свежо и убедительно интерпретировать известные классические партии.

И действительно, Хельми Пуур вносит в образ Жизели свои индивидуальные ноты и краски. Ее Жизель — наивна и доверчива, по-детски нежна и простодушна. Полюбив Альберта, она по сути дела становится послушной ему, отвергает все доводы Ганса, защищает свою веру в любимого до последней возможности. И в сцене безумия у Хельми Пуур есть оттенок трогательного недоумения — она повторяет движения танца, который она танцевала с Альбертом, вспоминает их встречу, словно сопоставляет счастливое прошлое с настоящим, спрашивая себя — где же правда, что произошло? Она до конца так и не может поверить в обман и, кажется, что в конце сцены она бросится к Альбер-

ту, готовая вновь поверить ему, послушно идти за ним на край света.

Хельми Пуур не играет клинического безумия, не подчеркивает отчаяния Жизели. Все в ее исполнении наполнено трогательной растерянностью, недоумением чистого сердца, которое не в силах до конца поверить в обман. Обычно во втором акте актрисы танцуют Жизель, изменившуюся, преображенную, совсем не похожую на девочку первого акта. Свообразие трактовки Хельми Пуур заключается в том, что ее Жизель внутренне не меняется, она остается такой же юной и просо-годушной. Жизель — Пуур с недоумением и робостью входит в скорбный круг холодных виллис, не понимая и не разделяя их жестокости, неумной жажды мести. Когда Альберту грозит опасность, она трогательно молит виллис о пощаде, доверчиво протягивает к ним руки, полная надежды на то, что ей удастся взволновать сердца призрачных невест. И в этом акте тема Пуур — это любовь, по-детски горячая, наивная вера в добро, благородство.

И только в самом конце акта, когда виллисы жестоко отвергают ее мольбы, в ней просыпается властная сила, позволяющая ей защитить любимого, спасти его жизнь. Искренность Хельми Пуур, ее обаяние, а также легкий, воздушный танец, непринужденная грация движений позволяют ей создать своеобразный и привлекательный образ Жизель.

Человеческой нежности Жизель в спектакле противопоставлена холодная властность Мирты. Исполнительница этой роли артистка Т. Рандвийр чувствует значительность образа Мирты, его масштабность. Она кажется носителем сурового долга, в ее лице, позах, повелительных жестах — непреклонность и твердость, абсолютная «королевская» убежденность в своем праве карать и мстить.

Т. Рандвийр обладает прекрасной формой и линиями классической танцовщицы, ее танец строг и закончен, его выразительность — в правильной, точной манере, в бережном вдумчивом отношении к хореографическому стилю партии.

Исполнитель партии Альберта Уно Пуусааг постигает роль верно, играя не коварного обманщика и соблазнителя, а искренне влюбленного юношу, совершившего зло по легкомыслию и беспечности. Поэтому веришь в его раскаяние во втором ак-

те. Развитие образа от юношеской беспечности к глубине скорби и любви кажется вполне естественным. Но У. Пуусаагу надо еще работать над танцевальной стороной партии, ему нужно добиться большей четкости и законченности всех движений, большей чистоты классической формы.

Опытный актер Калью Саарке в роли Ганса верно раскрывает оскорбленность простого парня, его гнев против принца Альберта, страстное желание разоблачить обманщика. Жаль только, что исполнитель не передает всей глубины любви Ганса, его преданности Жизели, от этого образ получается несколько мрачным и резким.

Успеху спектакля способствует талантливый и высоко профессиональный оркестр театра. В его исполнении не пропадает ни один штрих, ни один оттенок ясной и трогательной музыки Адана. Хотелось бы только пожелать способному дирижеру Валло Ярви уточнить темпы. Первая вариация Мирты и дуэт второго акта неравномерно растянуты и поэтому кажутся вялыми.

Было бы несправедливо утверждать, что балет «Жизель» на эстонской сцене не лишен существенных недостатков. В танцах кордебалета еще нет должной легкости и певучести. У многих артисток слабая пальцевая техника, недостаточно выразительны руки. Некоторым массовым танцам просто не хватает строгости и чистоты. Во втором акте излишне загромождена сценическая площадка.

Но вместе с тем нельзя не отметить серьезности и вдумчивости, с какой подошло художественное руководство театра к воплощению одного из самых значительных произведений мировой хореографии.

Появление «Жизели» в репертуаре эстонского театра хочется всячески приветствовать, потому что этот балет не только воспитывает вкус зрителя и доставляет ему огромное эстетическое наслаждение, но и способствует совершенствованию актерского мастерства и танцевальной техники, без которых невозможно решать сложные творческие задачи.

Н. ЭЛЬЯШ.